

Глава 4

Тань Мо, засунув руку в карман, сменил позу и молча смотрел на Лу Иня сквозь пелену дождя.

Дождь стекал с края зонта и намочил плечо Лу Иня. В Цинхэ стояло ещё не слишком холодное время года, но под осенними каплями кожа его успела порозоветь — нездорово, болезненно.

— Давно не виделись.

Лу Инь знал, что Тань Мо его узнал. Слова ещё не успели раствориться в шуме ливня, а тот уже шагал к нему широким шагом — остановился в полуметре, будто что-то его задержало, но в следующее мгновение рванулся вперёд и заключил его в объятия.

В этом объятии не было ни капли нежности — только неудержимое, почти яростное нетерпение. Плечи Лу Иня оказались стиснуты, щека уткнулась в тёплую грудь Тань Мо, и он невольно поймал его дыхание — частое, взволнованное.

— Как ты здесь оказался. — Тань Мо согнулся, упёр подбородок ему в плечо, глубоко вдохнул и принялся повторять его имя снова и снова: — Лу Инь. Лу Инь. Я знал, что это ты.

Лу Инь обнял его в ответ. Зонт был слишком мал для двоих — дождь хлестал по ним обоим.

— Ого, — тихо выдохнул стоявший рядом Хань Синьчжао. — Это вы так внезапно обниматься?

Тань Мо не удостоил его взглядом. Первым голову поднял Лу Инь:

— Привет.

— Привет-привет! — тут же откликнулся Хань Синьчжао. — Красавчик, вы с Тань Мо...

Над головой прозвучал голос Тань Мо:

— Мой закадычный друг. Тебе разве не домой?

Хань Синьчжао чуть сник, но всё же ответил:

— Хочу посмотреть, что дальше будет.

— Мы вместе росли, — представлял его Тань Мо, и взгляд его при этом не отрывался от лица Лу Иня — упорный, неутомимый, словно пытающийся наверстать годы разлуки. — Когда мне

было десять, я уехал за границу. Восемь лет мы не виделись.

Хань Синьчжао, похоже, был прирождённым скептиком:

— И при первой же встрече сразу в объятия.

Лицо Тань Мо чуть помрачнело, зато Лу Инь невольно засмеялся:

— Ты очень занятный.

В дождливую погоду пробки были нещадные — водитель Хань Синьчжао добрался лишь сейчас. Тот нехотя попрощался и ушёл, и сразу стало тише. Тань Мо смахнул дождевые капли с лица, зачесал намокшую чёлку назад — и обнажилось лицо с резкими, почти агрессивными чертами. Он смотрел на Лу Иня с каким-то голодным изумлением.

Красавцем его можно было назвать без всякого преувеличения — из тех, что затмевают актёров с экрана, и это особенно чувствовалось вблизи. Тань Мо был красив с детства, школьная звезда, любимец всех и каждого. В свои восемнадцать он стоял где-то на перепутье между юношей и мужчиной — немного более мальчишеский, чем в той, прошлой жизни. Лу Инь смотрел на его черты, такие близкие, и незаметно для себя потерялся.

Тань Мо махнул рукой у него перед лицом:

— Дождь слишком сильный. Пойдём ко мне?

Лу Инь согласился — и Тань Мо, похоже, только этого и ждал: не успело слово сорваться с губ, как он уже обнял его за плечи и повёл вперёд, не оставив никакой возможности возразить.

Дом стоял в ста метрах от школы — трёхэтажный особняк в жилом комплексе «Округ Цинхэ». Полмесяца назад Тань Мо перевёлся из-за рубежа, и его отец, Тань Сыли, опасаясь, что сын не привыкнет к жизни в общежитии, купил ему неподалёку квартиру и оформил право приходить на учёбу без проживания.

Под зонтом они дошли до дома довольно быстро.

Домработница содержала жильё в безупречной чистоте. Едва переступив порог, Лу Инь уловил лёгкий аромат благовоний — тёплый, обволакивающий.

Тань Мо присел и принялся рыться в поисках тапочек. После долгих поисков в прихожей обнаружилась пара пушистых домашних туфель — украшенных игрушечными кроликами с красными глазами и длинными ушами. Очень мило, и совершенно не вязалось с обликом Лу Иня ни под каким углом.

Тань Мо остался недоволен и хотел было искать снова, но Лу Инь не возражал — распаковал и надел.

Кожа у него была бледная, почти фарфоровая, и когда тапочки открыли тонкие щиколотки, через эту белизну просвечивал едва различимый румянец — взгляд сам невольно к ним тянулся.

Тань Мо молча покосился и отвёл взгляд. Прошёл внутрь.

Гостиная с заниженным полом открывалась просторно и светло. У небольшой барной стойки Тань Мо налил два стакана горячей воды — один протянул Лу Иню, второй взял сам и запрокинул голову, жадно глотая.

Лу Инь обхватил тёплый стакан ладонями и сделал маленький осторожный глоток. Над головой неожиданно прозвучал голос Тань Мо:

— Тебе нечего мне сказать?

Лу Инь сделал шаг назад и окинул его взглядом.

— Вырос.

Тань Мо всегда был высоким, а сейчас вымахал почти до ста девяноста — и это ещё не предел: в прошлой жизни он перешагнул за метр девяноста. Что рост заметен невооружённым глазом — это не новость, почти как не сказать ничего. Тань Мо уставился на него и с лёгким недоверием переспросил:

— И всё?

Лу Инь смотрел ему в лицо — открыто, прямо, с каким-то тихим жаром в светло-карих глазах. Тань Мо почувствовал лёгкое смущение, но тут Лу Инь опустил взгляд и снова пригубил воду.

— Стал очень красивым, — произнёс он вдруг, без всякого предупреждения.

— Ты всегда был прямым, — засмеялся Тань Мо. — Ты сам тоже такой же, как раньше...

Он уже было собрался сказать «красивый», но вовремя вспомнил, что Лу Инь с детства терпеть не мог подобных комплиментов. Столько лет прошло, а привычки помнились как вчера. Тань Мо поправился:

— Такой же привлекательный.

— Если считать — восемь лет не виделись, — сказал Лу Инь, глядя на него.

— Я каждый день тебе звонил. Но номер был недоступен.

— Сун Хайнин сменил домашний номер. Извини.

Просто уехать за границу — это не повод потерять связь. Всё началось с развода родителей: семьи сцепились из-за опеки, стали врагами. А потом мать, Шэнь Чжаньин, однажды внезапно забрала его — второпях, непредвиденно. Он успел взять у Лу Иня только один телефонный номер.

Долгое время Тань Сыли не мог дозвониться до Шэнь Чжаньин, не говоря уже о маленьком Лу Ине. Потом, со временем, напряжение между семьями Тань и Шэнь немного спало. Недавно дед Тань Мо, Тань Чжаого, заболел, передал дела сыну Тань Сыли и переехал в Цинхэ на лечение. Тань Мо решил вернуться на родину, чтобы быть рядом, — вот так и оказался в международном классе Первой старшей школы.

Это можно было выяснить, задав пару вопросов.

Упоминание Сун Хайнина заставило Тань Мо нахмуриться:

— Я слышал, что произошло у тебя дома.

— Ничего хорошего, — пожал плечами Лу Инь — безразлично, отстранённо. — Я никогда особо не ждал от Сун Хайнина ничего хорошего, так что особо переживать не о чем. Кстати, ты знаешь, зачем я пришёл в Первую старшую?

Тань Мо, конечно, понятия не имел, но ответил:

— Соскучился.

— Не зазнавайся. Хотя... почти угадал. — Лу Инь опустился на ближайший диван, подпёр подбородок рукой и чуть склонил голову — рядом с Тань Мо он невольно расслаблялся. — Вчера я был на дне рождения, который устраивала «Минъюань». Там говорили, что в Первую старшую в этом семестре перевёлся новый одиннадцатиклассник — красивый, стильный, с фотографией. По имени Тань Мо.

Тань Мо слушал, опустив взгляд.

— Человека, с которым я вырос, тоже зовут Тань Мо, и он очень похож на того, что на фотографии. — Лу Инь помолчал. — Поэтому я и пришёл. Без всяких других целей. Просто увидеть его.

— Знаю, — произнёс Тань Мо, не отрывая от него взгляда. И повторил: — Знаю.

Лу Инь улыбнулся ему, и Тань Мо почти физически ощутил желание снова его обнять.

Действовал он всегда стремительно — и вот уже стоял перед Лу Инем, раскинув руки, с притворно-вежливым выражением лица:

— Ты не против, если я тебя обниму?

Лу Инь посмотрел на его раскрытые руки. Помолчал. Медленно поднялся.

Этот жест был как молчаливое «да» — и в следующее мгновение Тань Мо снова стиснул его в объятиях. Грубых, неласковых, почти яростных — так, что дышать стало почти нечем.

— Давно не виделись, Лу Инь.

Горячее дыхание скользнуло по ушной раковине. Голос у Тань Мо был глубокий, ровный, с какой-то юношеской теплотой в интонации — и в одно мгновение Лу Иня захлестнуло воспоминаниями о прошлом.

Сколько лет он не слышал этого голоса. Что-то защипало в глазах — но тут Тань Мо вдруг схватил его за запястье.

Рывок — и давящий силуэт отступил. Яркий свет лампы ударил в опущенные веки.

— Ты такой худой.

Тань Мо ощупал его запястье — без каких-либо посторонних намерений — затем потянулся к талии, и по мере того как он ощущал, насколько Лу Инь худой, лицо его становилось всё мрачнее.

Руки двинулись ниже — он даже намеревался добраться до... пониже, чтобы окончательно удостовериться, не морил ли его Сун Хайнин голодом.

Невозмутимое выражение лица Лу Иня начало давать трещины. Он откинулся назад и попытался поймать бесцеремонную руку Тань Мо.

Та оказалась быстрее. Не поймал.

— Подожди, — произнёс он, улыбка уже почти не держалась.

Но дело было сделано. Тань Мо убрал руку, и на губах у него заиграла лукавая ухмылка. Он тихо цокнул языком:

— Беру свои слова обратно. Никакой ты не худой. Фигура отличная, там где надо — есть. Видно, что ты за собой следишь.

Лу Инь несколько секунд собирался с мыслями:

— Ты мой друг. Думаю, ты вправе это знать.

Тань Мо сделал приглашающий жест:

— Говори.

— Несколько дней назад я каминг-аут сделал.

— Ну, каминг-аут...

— Стоп. Что? Каминг-аут?

Комната на мгновение замерла. Только через несколько секунд Тань Мо снова обрёл дар речи:

— В смысле, ты гей? Тебя привлекают мужчины?

Лу Инь кивнул.

Тань Мо схватился за голову:

— Боже. Что же я только что делал... Я не специально тебя... за... в общем. Не обращай внимания. Я имею в виду — я совершенно не против, нравятся тебе мужчины или нет. Просто ориентация. Я понимаю.

— Не нервничай, — засмеялся Лу Инь. — Не надо относиться ко мне как к кому-то особенному. Кроме того, что мне нравятся мужчины, я ничем от вас не отличаюсь. И можешь не беспокоиться о своей безопасности — моя совесть не позволит мне приставать к собственному другу детства.

Шутка пришлась кстати — Тань Мо рассмеялся вслед за ним, легко и искренне. А отсмеявшись, вдруг вспомнил кое-что из прошлого:

— Неудивительно, что тебя с детства... в таком смысле... любили.

Лу Инь нахмурился:

— Что имеешь в виду?

— Когда мы ходили в детский сад, один мальчик подбежал к тебе и заявил, что когда вырастет — обязательно женится на тебе, плевать, что ты тоже мальчик. Я ещё застукал его во время тихого часа — он пытался тебя украдкой поцеловать. Я его тогда хорошенько отдубасил. До сих пор помню, как его звали.

Лу Инь этого не помнил. Совсем.

Зато Тань Мо помнил как сейчас:

— Его звали Цзян Боянь.

Имя застало врасплох.

— Он? — Лу Инь нахмурился.

В груди мгновенно поднялось что-то омерзительное, почти физическое.

Тань Мо, заметив это, поспешил успокоить:

— Не переживай. Не поцеловал.

Плечи Лу Иня опустились, напряжение спало — но неприятный осадок никуда не делся, и лицо у него было откровенно кислое.

— В общем, этот тип с детства не производил впечатления приличного человека, — вынес приговор Тань Мо.

Тот самый «неприличный человек» в это время как раз возвращался домой.

Вчера всю ночь не было дома, сегодня целый день пропадал неизвестно где. Едва переступил порог — попал прямо в руки матери, давно его поджидавшей. Но Чжао Сипэй была дамой из хорошей семьи в самом классическом смысле: мягкая речь, неизменная доброжелательность,

почти никогда не выходила из себя. Даже с непослушным сыном говорила ровным, ласковым тоном — пожурела, и всё.

Никакого толку. Цзян Боянь отделался безразличным:

— Понял.

Отделался — и уже собрался подняться наверх, но мать снова его окликнула. Он вернулся нехотя, с видом полнейшего безразличия:

— Мам, ещё что-то?

— Как зовут старшего брата Сяо Яна? Вот же память стала — никак не вспомню.

— Лу Инь. — Цзян Боянь бросил на мать подозрительный взгляд. Что-то в груди неприятно сжалось — всё-таки был виноват перед тем человеком. — А зачем ты вдруг о нём?

— Мы с подружками пили чай, смотрели старые фотографии, и как-то само собой разговор зашёл о вашем детстве. — Матушка Чжао по-прежнему улыбалась.

— Я уже ничего не помню, — отмахнулся он.

— Ай, если б не они — я бы и сама скоро забыла! — Мать всё же удержала его. — Ты же был таким потешным в детстве! Пухленький, щекастый, на красивых детей реагировал как замороженный. Во время тихого часа убегал целоваться потихоньку, а тебя застал тамошний названный брат и отлупил — ты потом в три ручья рыдал и в самый полдень прибежал домой жаловаться.

Цзян Боянь слушал этот конфуз с нарочитым безразличием — и вдруг вспомнил, что мать только что специально упомянула Лу Иня. По коже пробежал неприятный холодок. Он невольно спросил:

— Кого это я целовал?

Нет, не может быть. Только не Лу Инь.

Не может же у него быть настолько дурацкое везение.

Может. Чжао Сипэй неторопливо сдула пенку с чашки, отпила глоток — и обронила как бомбу:

— А кого же ещё. Лу Иня и целовал. Я вот правда удивляюсь — ты точно это забыл?

Цзян Боянь стоял, потеряв дар речи.

— Эй, сынок?

— Не может быть, — выдавил он сквозь зубы. — Это мерзость какая-то.

— Ну ты и даёшь, — засмеялась Чжао Сипэй. — Как вообще можно такое забыть? Это с самого детства у тебя задатки кавалера ненадёжного. Ты ведь просто обожал тогда Лу Иня! Знал, что тот любит сладкое, — каждое утро тащил в школу торт. Новую игрушку получишь — сразу ему. Говорил, что вырастет и женится. Только вот у Лу Иня был свой названный брат, который тебя и близко не подпускал, — ты приходил домой в слезах, но в драке с тем мальчиком неизменно проигрывал.

— Мама тебе сколько раз говорила: Лу Инь мальчик, мальчики не могут быть вместе — а ты и слушать не хотел. Хотя Лу Инь и правда с детства был хорош собой. Жаль, что не девочка оказался.

Цзян Боянь развернулся и вышел — не обращая внимания на оклик матери за спиной.

Шёл быстро, весь поджарый, переполненный злостью.

Лисий дух. Лисий дух. Лисий дух!

С самого детства — лисий дух!

«Дзынь».

Сообщение пришло на телефон Лу Иня. К этому времени он уже успел помыться у Тань Мо — промок под дождём — и теперь сидел в белой рубашке хозяина дома: своей сменной одежды не взял. Рубашка была большой и укрывала до бёдер; в особняке работал кондиционер, поддерживавший постоянную температуру, так что холодно не было.

Он сидел на диване, поджав ноги по-турецки, и листал телефон. Открыл уведомление — прочёл, что написал Цзян Боянь, — и уголок губ сам собой дёрнулся вверх.

— Что-то интересное? — покосился на него Тань Мо.

— Пожалуй, — ответил Лу Инь. — Кто-то только что назвал меня лисьим духом.

Брови Тань Мо медленно сошлись к переносице:

— Кто?

— Цзян Боянь.

Тань Мо как раз пил воду. Услышав это, он поперхнулся и разразился кашлем.

— Кто? — переспросил он, не веря своим ушам.

<http://bllate.org/book/20470/2106571>